

М.К. Цебрикова

Американки XVIII века

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.К. Цебрикова**
Американки XVIII века / М.К. Цебрикова – М.: Книга по Требованию, 2014. – 340 с.

ISBN 978-5-518-07290-9

ISBN 978-5-518-07290-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

XVIII вѣкъ былъ великой эпохой для Америки — эпохой основанія Соединенныхъ Штатовъ. Распространяться о значеніи этой эпохи совершенно излишне, потому что бѣглый очеркъ, какой только можно умѣстить въ предисловіи, не можетъ дать полнаго и вѣрнаго понятія о великихъ событіяхъ этой эпохи для тѣхъ изъ молодыхъ читателейъ, которыя мало знакомы съ исторіей Соединенныхъ Штатовъ. Тѣ же, которыя знакомы съ нею, и безъ него будутъ въ состояніи оцѣнить всю важность участія американцевъ XVIII вѣка въ великой борьбѣ за независимость своего отечества. Американцы дѣятельно служили всѣми силами дѣлу освобожденія отечества; ихъ вліяніе, и прямое и посредственное на судьбы его, было сильно и прочно; этому вліянію Америка обязана счастливымъ исходомъ своей борьбы за независимость почти столько же, сколько политической мудрости своихъ великихъ вождей и геройской неустрашимости своихъ гражданъ.

Три тома мемуаровъ мистрисъ Эллетъ, которая въ свое время пользовалась заслуженной извѣстностью въ американской литературѣ, даютъ очень подробную и интересную характеристику дѣятельности американцевъ въ ту всплвую эпоху. Наиболѣе интересные и характеристичные очерки жизни американцевъ этой эпохи предлагаются въ переводѣ

молодымъ читательницамъ. Нейманъ, въ своей исторіи Сѣверо-американскихъ штатовъ, ссылается на эти мемуары, впрочемъ заподозрѣвая нѣкоторые очерки въ вымышленной романичности; но этотъ упрекъ можетъ относиться всего къ двумъ - тремъ очеркамъ, которымъ она придала форму разсказа, взявъ основу его изъ писемъ очевидцевъ и газетныхъ реляцій; но если бы эти два-три очерка и были дѣйствительно прикрашены фантазіей вслѣдствіе весьма понятнаго увлеченія автора патріотизмомъ, все-таки они не теряютъ свою цѣну, какъ картины народной и общественной жизни того времени. Сверхъ того, среди сѣренькой будничной жизни какъ-то съ трудомъ вѣрится тому, что выходитъ за ея тѣсныя рамки и величая рѣчь эпопеи покажется странной и неестественной среди суетни житейской комедіи. Дюйвинкъ въ своей энциклопедіи американской литературы, отзывается съ большою похвалою о неустоимомъ трудѣ и добросовѣстности, съ какою мистрисъ Эллетъ составляла эти мемуары по газетамъ того времени, оффиціальнымъ документамъ, частной перепискѣ и разсказамъ очевидцевъ. Весьма вѣроятно, что въ разсказы очевидцевъ, бывшихъ большею частью друзьями или родственниками героинь, равно какъ и въ переписку между близкими могло вкрасться невольное преувеличеніе, по это общій недостатокъ всѣхъ мемуаровъ. Мистрисъ Эллетъ говоритъ, что ея мемуары правдивый отчетъ истинныхъ событій, и что тамъ, гдѣ у нея не хватало матеріала для подробнаго очерка которой нибудь изъ героинь, она довольствовалась бѣглыми замѣтками; и въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые очерки до того блѣдны, что не содержатъ ничего, кромѣ дней рожденія, замужества и смерти героинь и поименнаго списка ихъ дѣтей съ ихъ женами и мужьями, да упоминанія о сохранившемся преданіи о вліяніи героизма ихъ на настроеніе духа населенія какой либо мѣстности. Эти очерки были выпущены въ переводѣ вмѣстѣ съ безкопечными топографическими подробностями и безчисленными

ссылками на свидѣтельство множества совершенно неизвѣстныхъ личностей, которыя доставляли мистрисъ Эллетъ матеріалы для мемуаровъ. Но если эти блѣдные очерки, топографическія подробности и ссылки могутъ имѣть интересъ только для американцевъ, за то и неудовлетворительность первыхъ и обиліе вторыхъ выказываютъ вполне осмотрительность и добросовѣстность автора и снимаютъ съ него обвиненіе въ томъ, что онъ выдавалъ вымыселъ своей фантазіи за истину. Многое изъ того, что говоритъ мистрисъ Эллетъ о дѣятельности американцевъ этой эпохи, подтверждено въ біографіяхъ Вашингтона, въ исторіи Неймана, въ исторіи войны за независимость Ботта и въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ Э. Лабуле.

Что же касается характера самихъ мемуаровъ, то слѣдуетъ пожалѣть, что они не были составлены авторомъ, одареннымъ болѣе свѣтлымъ взглядомъ на жизнь и болѣе широкимъ пониманіемъ исторіи. Мистрисъ Эллетъ квакерша и въ сужденіяхъ ея о событіяхъ и людяхъ этой эпохи отразился узкій духъ секты, къ которой она принадлежитъ. Подъ вліяніемъ квакерскаго піетизма она приписываетъ торжество американцевъ въ значительной степени религіозному характеру женщинъ и ихъ молитвамъ, не вслѣдствіе того вліянія, какое могли имѣть эти молитвы на одушевленіе народа, а вслѣдствіе вліянія, которое онѣ имѣли на неисповѣдимыя судьбы Провидѣнія. Она не принимаетъ въ разсчетъ, что въ непріятельскомъ лагерѣ приносились такія же молитвы, а въ Англіи епископы и члены парламента, принадлежавшіе къ епископской, такъ называемой, высокой церкви (high church), бывшіе непримиримыми врагами пресвитеріанцевъ и методистовъ, американской поповщины и безпоповщины, равнымъ образомъ возсѣдали молитвы и налагали посты для навлеченія гибели на ненавистныхъ мятежныхъ американцевъ, не признававшихъ ихъ власти. Мистрисъ Эллетъ пренаивно раздѣляетъ предразсудки сектаторовъ, будто ихъ секта составляетъ предметъ

исключительной заботливости Провидѣнія и не подозреваетъ закона исторіи, что будущее принадлежитъ народу, а не притѣснителямъ. Впрочемъ, не смотря на указанные недостатки, приходится довольствоваться этими мемуарами для того, чтобы имѣть понятіе о дѣятельности женщинъ Америки во время войны за освобожденіе. Эти мемуары, сколько известно, единственные въ Америкѣ, а потому высоко цѣнились и разошлись въ пяти изданіяхъ.

Немногимъ американкамъ удалось играть видную роль въ политикѣ. Главная сила американовъ XVIII вѣка была не въ этой роли, а въ мужествѣ и самоотверженіи, о которомъ свидѣлствуютъ и исторія и преданіе, въ томъ одушевленіи, которымъ была проникнута вся масса ихъ, въ томъ вліяніи, которое онѣ имѣли на общественное мнѣніе какъ жены и матери. Сила ихъ была сила нравственная. Нравственное вліяніе неуловимо; и въ исторіи, которая имѣетъ дѣло съ фактами, невозможно взвѣсить и опредѣлить его силу съ математической точностью. Можно считать удачные удары, которыми боецъ положить на мѣстѣ врага, опредѣлить ихъ мѣткость и силу, но невозможно указать ощущенія, переданныя нервами мускуламъ, подпимавшимъ руку на удары. Главная причина счастливаго исхода американской войны за освобожденіе лежитъ въ общемъ одушевленіи идеями независимости всей массы народа. «Корни неувядаемыхъ лавровъ, которыми увѣнчано чело героевъ, выросли въ сердцахъ народа, были впоены его кровью,» говоритъ мистрисъ Эллетъ. Общее одушевленіе, поднявшее народъ, было возбуждено и поддержано женщинами. Американки, посылая въ огонь мужей и сыновей, дѣля съ ними труды и опасности, воскресили въ себѣ образъ древней спартанки, которая говорила отдавая сыну щитъ: «или со щитомъ или на щитѣ.» Это вліяніе было признано и америкапцами и непріателемъ. Не найдется ни одной страны, гдѣ бы вліяніе женщины было такъ сильно, прочно и благотворно какъ въ Америкѣ, и чтобы понять

всѣ силы великой республики, надо принять въ соображеніе и его.

Причина этого вліянія лежитъ въ энергическомъ, самостоятельномъ и практическомъ характерѣ американовъ, а такой характеръ могъ развиваться только при тѣхъ социальныхъ, политическихъ и религіозныхъ условіяхъ, при которыхъ складывалась жизнь колоній. И теперь въ Америкѣ, при возрастающемъ наплывѣ поселенцевъ, число женщинъ гораздо менѣе чѣмъ мужчинъ; въ то время, при неувѣрности и опасности путешествія, на которое отваживались очень немногія женщины стараго свѣта, эта разница въ числѣ была еще значительнѣе. Отношенія между мужчинами и женщинами установились по извѣстному экономическому закону: чего менѣе, тѣмъ болѣе дорожатъ. Приобрѣсти жену удалось не многимъ счастливцамъ, а при уединенномъ почти отшельническомъ образѣ жизни первыхъ поселенцевъ, ставившихъ свои бревенчатыя хижины среди пустынныхъ лѣсовъ, женитьба тѣмъ болѣе была необходимостью. Для дома нужна была работница. Каждая женщина имѣла множество обожателей, которые добивались руки ея. Она, по естественному чувству самосохраненія, останавливала свой выборъ на томъ изъ обожателей, который представлялъ ей болѣе гарантій для сохраненія ея независимости и самостоятельности. Мужчинѣ, заподозрѣнному въ грубомъ деспотизмѣ, было несравненно труднѣе найти себѣ жену. Чѣмъ развитѣе человекъ, тѣмъ болѣе онъ способенъ уважать права другой личности, а первые поселенцы колоній были лучшими представителями умственного развитія Европы. Вліяніе женщины упрочивалось и оно было благотѣльно. Въ колоніяхъ жена была для мужа не предметомъ роскоши, не гаремной одалиской, какъ свѣтскія барыни, содержаніе которыхъ раззоряетъ мужа, она была, въ полномъ смыслѣ этого слова, его помощницей. Американки того времени были достойными подругами тѣхъ неустрашимыхъ піонеровъ, которые съ ружьемъ въ одной рукѣ и топоромъ

въ другой расчищали непроходимыя дебри и складывали свои бревенчатые блокгаузы, зарѣдыши будущихъ цвѣту-щихъ многолюдныхъ городовъ Америки. Женщины мужест-венно переносили всѣ трудности и лишенія жизни чуждой комфорта городовъ: обрабатывать землю, завѣдывать мно-госложнымъ хозяйствомъ и домашнимъ производствомъ и часто, въ отсутствіе мужей, защищаться отъ нападеній ко-чующихъ племенъ и дикихъ звѣрей. Силы ихъ закалялись въ трудѣ и привычкѣ къ опасностямъ. Еще одно важное условіе вліяло на характеръ американокъ. Въ новомъ свѣ-тѣ земли было вдоволь, ее можно было пріобрѣтать за без-цѣнокъ, или просто захватывать по праву сильнаго. Неис-тощенная почва платила сторицею за трудъ. При неудо-мимомъ трудѣ и строгой умѣренности образа жизни, кото-рый проповѣдывали пуританскія секты, довольство колоній быстро росло. На пространствахъ нѣсколькихъ сотенъ миль нельзя было встрѣтить ни одного нищаго. Это довольство заставило Вольтера восхвалять землю Пенна, какъ земной рай. Рожденіе ребенка въ самомъ бѣдномъ семействѣ бы-ло радостью. Отецъ зналъ, что земля обезпечивала ему средства прокормить ребенка, обезпечивала и ребенку вѣр-ный кусокъ хлѣба и средство прокормить родителей подъ старость. Ему не приходилось испытывать тотъ мучитель-ный страхъ, съ которымъ европейскій пролетарій встрѣ-чается лишняго, непрошеннаго члена семьи, который отни-метъ отъ другихъ и безъ того далеко недостаточную долю хлѣба. Тамъ, гдѣ рожденіе сына встрѣчается страхомъ, рожденіе дочери встрѣчается проклятіями. Сынъ можетъ разсчитывать скорѣе найти работу и, рано ли поздно, не быть обузой родителей; дочь лишнее бремя въ семьѣ. При несложности хозяйства и раздѣленіи труда мануфактурно-промышленной жизни городовъ, которое дѣлаетъ бесполез-нымъ и убыточнымъ домашнее производство и тѣхъ не-многихъ предметовъ, которые необходимы для обихода бѣ-дной семьи, дѣвушка не можетъ окупать свое содержаніе

домашнимъ трудомъ; она чувствуетъ себя существомъ, которое содержать изъ милости. Американки того времени не знали этого мучительнаго унижающаго чувства. По отдаленности городовъ и слабому развитію мануфактурной промышленности, на ихъ долю приходилось довольно труда. Онѣ пряли, ткали, заготовляли одежду на всю семью. Внося такую значительную долю труда въ семью, онѣ не были зависимыми существами, которыхъ содержать изъ милости, но равноправными членами семьи. Трудъ развилъ въ нихъ самостоятельность, и этому свойству женщинъ обязана американская семья тѣмъ, что суровый пуританизмъ, охранявшій какъ святыню неприкосновенность отцовской власти, не превратилъ ее въ домостроевскую семью. Самый дикій самодуръ, самый безчеловѣчный деспотъ станетъ иначе относиться къ людямъ, которые приносятъ ему пользу, которые оплачиваютъ свое содержаніе трудомъ, нежели къ тѣмъ, которые существуютъ только по его милости. Сколько ни говорилось о родительскомъ чувствѣ, о святости долга, но люди не герои и будутъ охотно исполнять только тотъ долгъ, который въ силахъ исполнить; человекъ, который надрывается надъ работою, чтобы прокормить бесполезное ему существо, будетъ всегда считать себя вправѣ распоряжаться этимъ существомъ по своему произволу. Этихъ безобразныхъ отношеній не было въ американской семьѣ того времени. Американки росли въ здоровой средѣ труда и довольства; онѣ не знали ни гнетущаго развращающаго вліянія бѣдности, ни растлѣвающаго вліянія роскоши. Роскошь стала появляться только съ развитіемъ общественной городской жизни въ послѣдніе годы передъ революціей: она не успѣла еще такъ сильно вѣсться въ нравы общества. Огромными богатствами обладали очень немногіе колонисты Виргиніи, Южной Каролины и Мериленда, потомки кавалеровъ, бѣжавшихъ изъ Англіи при Кромвелѣ, и католиковъ аристократовъ, изгнанныхъ Елисаветою, изъ которыхъ составлялась партія торіевъ, такъ называли партію

враждебную освобожденію колоній. Но не смотря на огромныя имѣнія, которыми они обладали, образъ жизни былъ очень простъ и если богатой американкѣ не приходилось заниматься фермерскими ручными работами, она всетаки не вела праздную жизнь свѣтскихъ барынь. Она должна была вести обширное хозяйство, завѣдывать домашними мастерскими и часто вести дѣла по имѣнію. Эта общественная язва—пустыя свѣтскія барыни, которыя своими разорительными прихотями заставляютъ мужей расхищать общественное достояніе и продавать свои голоса тому, кто дороже заплатитъ, такъ глубоко заразившая европейскія общества — была въ Америкѣ исключительнымъ явленіемъ. Сверхъ того, эти аристократы жили не среди раболѣпнаго, забитаго нищаго народа, который вѣковой зависимостью былъ приученъ смотрѣть на аристократовъ какъ на существа высшей породы, а среди гражданъ, привывшихъ считать себя равными передъ закономъ и которые не потерпѣли бы ни малѣйшаго оскорбленія своей личности, ни малѣйшаго нарушенія своихъ правъ. Въ аристократкахъ Америки не могло развиваться ни наглое презрѣніе къ народу, ни культъ своего сословія, которые изъ аристократокъ Франціи сдѣлалъ героинь Вандей. Освобожденіе колоній отъ метрополіи не могло отнять у нихъ никакихъ особенныхъ правъ или привилегій и большинство аристократокъ стояло за народную свободу и независимость. И въ этомъ отношеніи Америка представила для развитія характера женщинъ выгоды, которыхъ не давала Европа. Не даромъ Гёте сказалъ:

Amerika, du hast es besser
Als unser Continent das alte.
Hast keine verfallene Schlösser
Und keine Basalte.
Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnützlich es Errinern
Und vergeblicher Streit.

(Америка, ты счастливѣе нашего стараго материка: у тебя нѣтъ развалившихся замковъ, нѣтъ и базальтовыхъ твердынь. Тебя не остановитъ въ рѣшительную минуту жизни напрасное воспоминаніе и бесполезная борьба.)

Третье условіе, имѣвшее важное вліяніе на развитіе характера американовъ — была религія. Американки были дочерьми и внуками людей, которые предпочли изгнаніе измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ, которые перенесли гонимую въ старомъ свѣтѣ свободу совѣсти въ новый, гдѣ она зажгла свѣточъ гражданской свободы для цѣлаго міра. Нужно много мужества и энергіи на то, чтобы отказаться отъ выгодъ прочнаго обезпеченнаго положенія, порвать всѣ близкія кровныя связи, подвергнуться опасностямъ дальняго пути въ мало извѣстную страну, о которой ходили чудовищные слухи. Независимость, купленная такой дорогой цѣной, дѣлалась святыней, для спасенія которой не жалѣли ни жертвъ, ни жизни. Самая религія, основанная на принципѣ свободнаго изслѣдованія, освобождавшая умы отъ подчиненія авторитету, подготовляла путь гражданской свободѣ. Основаніемъ вѣры пуританъ была библія, истолкованная свободно совѣстью каждаго вѣрующаго; всякая земная власть была безсильна передъ ученіемъ библіи. Это ученіе было враждебно всякой духовной іерархіи, а такъ какъ духовная іерархія поддерживалась монархической властью, то она вела прямо къ уничтоженію послѣдней. Елизавета, сначала не обращавшая вниманія на секту пуританъ, стала впослѣдствіи преслѣдовать ихъ даже съ болѣшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ католиковъ. Епископская власть была тѣсно связана съ королевскою. Іаковъ II не даромъ говорилъ: по cross, по crown, т. е. нѣтъ митры, нѣтъ и короны. Ученіе пуританъ, вслѣдствіе принципа свободнаго толкованія, распадалось на секты, которыя, устраняя все болѣе и болѣе обрядность, приближались къ простотѣ первыхъ христіанскихъ общинъ. Башмачникъ Уэть Тайлоръ,

въ своихъ проповѣдяхъ о томъ времени, когда духъ божій собереть дѣтей своихъ воедино, распространялъ идеи братства и равенства; забитая невѣжественная масса народа жадно слушала его и въ своихъ вѣрованіяхъ повторяла мечтанія Платона и утопіи Томаса Мура. Народъ, руководясь здравымъ смысломъ и естественной потребностью свободы въ своихъ догматахъ доходилъ до высшаго умственного развитія, котораго достигли философы той эпохи. Онъ требовалъ не обрядности, не мистической метафизики, а религіи дѣла и общаго освобожденія. Духъ божій равно осѣняетъ всѣхъ, духъ дышетъ идѣе же хочетъ, каждый осѣненный духомъ божіимъ имѣетъ право учить. На этомъ основаніи нѣкоторыя секты допускали проповѣдь женщинъ. Женщины, весьма естественно, сдѣлались усердными исповѣдницами религіи, которая открывала имъ широкое поле пропаганды, подвиговъ. Онѣ проповѣдывали его съ самоотверженіемъ и мужествомъ равноапостольныхъ женъ первыхъ вѣковъ христіанства. Извѣстная Анна Гѣтчinsonъ за свою проповѣдь о томъ, что Христосъ уничтожилъ законъ Моисеевъ и что отнынѣ христіане должны управляться однимъ закономъ любви, была изгнана изъ Массачусетта и основала колонію Родъ-Эйландъ. Одна квакерша, которую за проповѣдь вели въ тюрьму по приказанію намѣстника Джоржда Эндикота, закричала ему: «Горе тебѣ, безстыдный притѣснитель, ты убиваешь дѣтей божіихъ, второй Иродъ!» Когда квакеры подверглись гоненію въ Массачусетѣ, двѣ квакерши—Мери Фѣстеръ и Анна Аустинъ проѣхали всю Европу, проповѣдуя свое ученіе. Мери прошла турецкій лагерь въ 1656 г., ее сочли сумасшедшей и пропустили, не сдѣлавъ ни малѣйшаго вреда. Мери писала противъ смертной казни. Ее выслали изъ Бостона съ угрозой смерти въ случаѣ возвращенія; она вернулась потому что считала безчестнымъ подчиняться приговору законовъ, стѣснявшихъ свободу совѣсти. Товарищей ея повѣсили, но ей было объявлено помилованіе, когда у нея была уже веревка